

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

891.78

T650

T94

1894a

A 872,229

PROPERTY OF

*The
University of
Michigan
Libraries*

• 1817

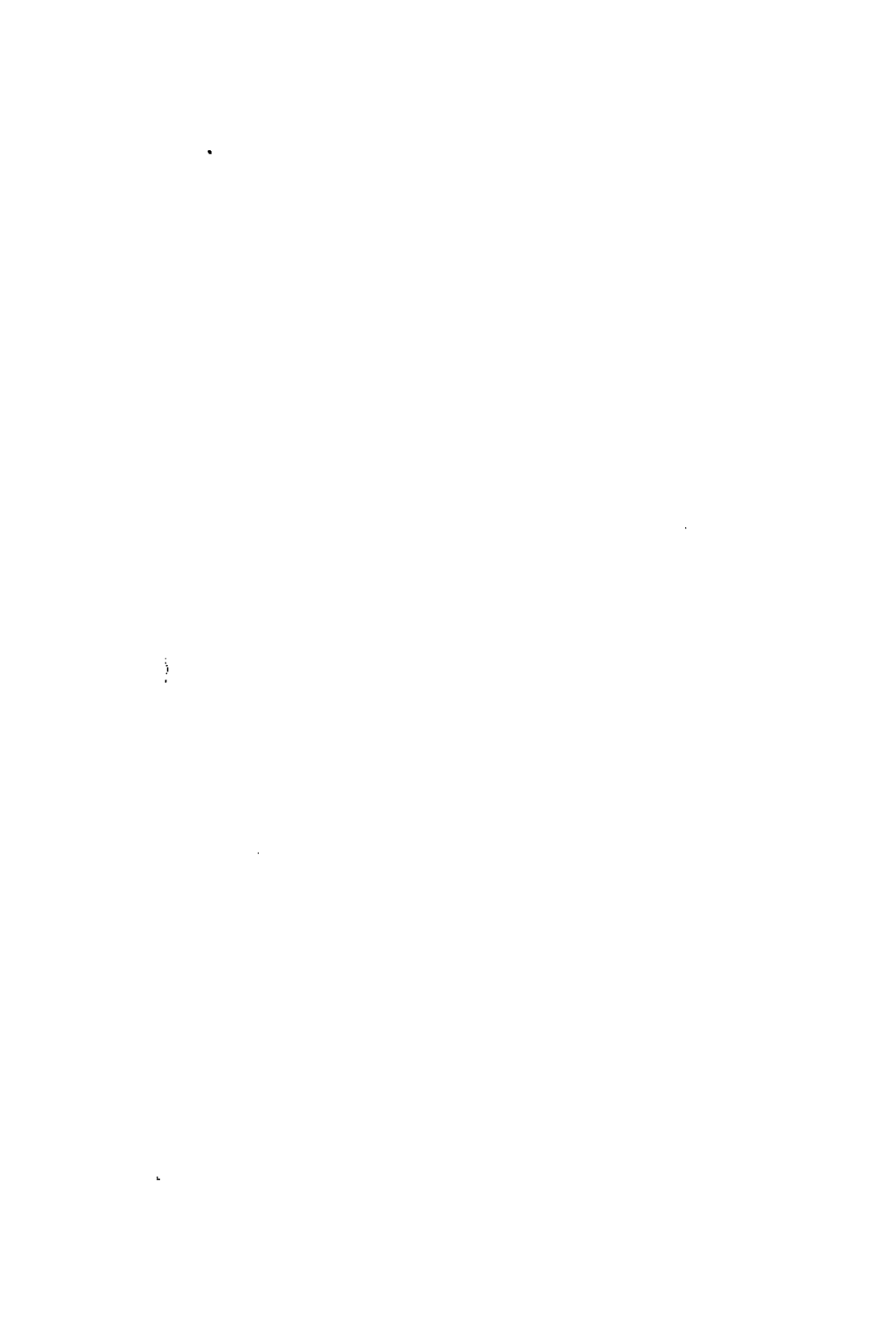
ARTES SCIENTIA VERITAS

_____

.

.

**THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROGRAPHY BY
UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 196**

Тургенев, Иван Сергеевич.
" TURGENEV, IVAN SERGEE
Евгѣній Богословскій,

преподаватель Тифл. 1-й гимназіи.

и. о. 15367

о.р. 19445

ТУРГЕНЕВЪ

О

ЛВЪ ТОЛСТОМЪ.

75 ОТЗЫВОВЪ.

(МАТЕРІАЛЫ).

(Перепечатано изъ №№ 269, 270, 271 и 272
газеты „Кавказъ“).

Цѣна 30 к.

ТИФЛИСЪ.

Типографія канц-л. Главновч. гражд. частъ
на Кавказѣ, Лорисъ-Мел. ул., д. 122.

1894.

6

1

61-371119

PG 3409
T8

Дозволено цензурою. Тифлиси, 24 октября 1894

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Переписка Тургенева.—Ея размеры и значение.—Сборникъ Литературнаго Фонда.—Новыя письма.—Односторонній отзывъ академика Л. Майкова.—Цѣль статьи (3—10).

I. (1—23).

Отзывы Тургенева о Толстомъ появились въ теченіе 29 лѣтъ.—Первые отзывы Тургенева.—Взаимныя изъясненія расположенія.—О настроеніи Толстого.—Предъизвѣщеніе Толстому великой роли въ будущемъ—Указаніе на духъ противорѣчія въ Толстомъ.—Признаніе существующей розни между собой и Толстымъ.—Интересъ къ литературной дѣятельности Толстого.—Участіе къ семейнымъ горестямъ Толстого.—Прихотливость его образа дѣйствій (11—26).

II. (24—45).

Ссора Тургенева съ Толстымъ, близость думъ, взаимные вызовы и извиненія.—Враждебность союзндій.—Живой интересъ Тургенева къ литературной дѣятельности Толстого: заботы о хорошихъ переводахъ и критическихъ статьяхъ въ иностранной литературѣ; отзывы самого Тургенева о „Казакахъ“, „Поликушки“, „Войнѣ и Мирѣ“.—Указаніе Тургенева на рознь своихъ западныхъ воззрѣній съ славянофильскими въ Фетъ и Толстомъ (26—47).

III. (46—57).

Заботливое вниманіе Тургенева къ здоровью Толстого. — Мысли о языкѣ и литературной рѣчи. — Взглядъ на классицизмъ Тургенева и Толстого. — Отзывъ о философіи Толстого, въра въ его художественный талантъ, интересъ къ его личности. — Заботы Тургенева о переводахъ на французскій языкъ сочиненій Толстого: „Казаки“ и „Три смерти“. — Интересъ къ новому произведенію Толстого. — Отзывы объ „Аннѣ Карениной“. — Сожалніе о новомъ направленіи дѣятельности Толстого (48—59).

IV. (58—75).

Примиреніе. — Дружеская переписка Тургенева съ Толстымъ. — Посредничество Тургенева въ литературныхъ дѣлахъ: привлеченіе Д. Толстого въ число участниковъ изданія „Русская Библиотека“, рекомендація ему англійскаго литератора Рольстона, посредничество для отдѣльнаго изд. „Казаковъ“ въ Парижѣ. — Общій отзывъ Тургенева о своемъ отношеніи къ литературной дѣятельности Толстого. — Мысли о характерѣ литературнаго творчества. — Заботы объ успѣхѣ въ Парижѣ перевода „Войны и Мира“. — Отзывъ Флобера. — Сочувствіе Толстого Тургеневу. — Заявленія взаимнаго расположенія. — Указаніе на оригинальность личности Толстого и гениальность его таланта. — Отзывъ объ „Исповѣди“. — Предсмертный завѣтъ Тургенева Толстому (60—77).

Общее впечатлѣніе, производимое собраннымъ матеріаломъ. — Поучительная сторона въ отношеніяхъ Тургенева и Толстого (77—79).

(МАТЕРИАЛЫ).

*Переписка Тургенева.—Ея раз-
міе.—Сборникъ Литературнаго
вѣстника.—Односторонній о
мъ Л. Майкова.—Цѣль*

И. С. Тургеневъ имѣлъ
обыкновеніе отвѣчать на в-
шедшее имъ письмо; в
частыя поѣздки за границу
постоянное пребываніе тамъ
года, при множествѣ друзей
съ соотечественниками,
дѣйствовало увеличенію его
такимъ образомъ, кромѣ со-
сателя, отражающихъ вс-
твенный обликъ своего твор-
чества еще богатое подспорье
численныхъ писемъ для у-
бѣ личности автора, его жи-
литурныхъ отношеній, с

Изданное Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева», для образованія фонда имени Тургенева, какъ одного изъ основателей общества, обнимаетъ періодъ съ 1840 по 1883 г. и представляетъ 488 писемъ къ 55 лицамъ; это цѣлый томъ въ 551 стр. текста, и все же, по замѣчанію редакціи, напечатана лишь «небольшая часть всего, писаннаго Тургеневымъ друзьямъ, знакомымъ, а иногда и незнакомымъ ему лицамъ», — напечатано лишь то, что немедленно было прислано редакціонному комитету.

Весьма жаль, конечно, что за «первымъ собраніемъ» писемъ Тургенева, изданныхъ черезъ годъ послѣ его смерти, не послѣдовало второго собранія ихъ, — мы имѣли бы больше подробностей относительно литературной дѣятельности и личной жизни нашего выдающагося писателя, но, тѣмъ не мѣнѣе, значеніе напечатаннаго очень велико и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Исполнившееся въ прошломъ году десятилѣтіе со дня кончины Тургенева пробудило въ обществѣ живой интересъ къ его памяти, и въ «Вѣстникѣ Европы» явились письма Тургенева къ

Аксаковымъ, съ предисловіемъ М. Стасюлевича, а въ «Русскомъ Обозрѣніи» письма къ Анненкову, съ предисловіемъ академика Л. Майкова. И Стасюлевичъ и Майковъ справедливо указываютъ на общественный, историко-литературный интересъ печатаемыхъ писемъ. Аксаковы—столпы славянофильства, и переписка съ ними обнаруживаетъ западнической оттѣнокъ, уже достаточно опредѣлившіеся къ тому времени воззрѣній Тургенева; кромѣ того, 42 письма Тургенева къ Аксаковымъ относятся къ періоду съ 1852 по 1857 г., а за это время въ сборникъ Литературнаго Фонда напечатано лишь 28 писемъ. Переписка съ Анненковымъ, человѣкомъ, по отзыву самого Тургенева, «чрезвычайно умнымъ, съ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ», велась очень продолжительное время и имѣетъ, конечно, тоже большое значеніе. Однако, никакъ нельзя согласиться съ академикомъ Л. Майковымъ, будто именно письма къ Анненкову и являются «перлами тургеневской переписки». Если стать на точку зрѣнія почтеннаго академика, полагающаго, что «Тургеневъ не обладалъ эпистолярнымъ талантомъ, или, по крайней мѣрѣ, нисколько

ко не заботился придавать своимъ письмамъ хоть нѣсколько литературную форму», то можно ли послѣ этого читать о «перлахъ» въ такой перепискѣ безъ нѣкотораго удивленія? Но г. Л. Майковъ не ограничивается сказаннымъ и, послѣ приведенныхъ строкъ, заключаетъ: «и потому, не малая ихъ доля, какъ видно изъ сборника, изданнаго въ 1884 г., представляетъ лишь ограниченный интересъ». Этотъ высококомѣрно-небрежный отзывъ мы охотно назвали бы и легкомысленнымъ: вѣдь, и въ письмахъ къ Анпенкову, по словамъ г. Л. Майкова, Тургеневъ «свободно переходитъ отъ дѣла къ бездѣлю», что, разумѣется, тоже имѣетъ лишь «ограниченный интересъ», а между тѣмъ, г. Л. Майковъ называетъ ихъ перлами. Словомъ, мы хотимъ сказать, что дѣльное и важное и въ сборникѣ Фюнда и въ письмахъ къ Анпенкову всякому читателю понятно и безъ этихъ руководящихъ наставленій, безъ подчеркиваній почтеннаго академика,—они излишни; кромѣ того, мы думаемъ, что не о письмахъ только къ Анпенкову, а о всѣхъ письмахъ Тургенева нужно сказать словами Л. Майкова: «Эти документы представляютъ живой инте-

ресь для всякаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашимъ литературнымъ и общественнымъ движеніемъ во второй половинѣ 60 хъ годовъ, и кто, въ особенности, дорожить памятью одного изъ даровитѣйшихъ дѣятелей нашей литературы». Если же говорить о «перлахъ», то и въ сборникѣ Литературнаго Фонда они найдутся,—таковы 136 писемъ къ Я. П. Полонскому: тоже многолѣтняя чрезвычайно искренняя бесѣда о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о литературѣ, общественной жизни, живописи, обстоятельствахъ личной жизни и т. д. ¹⁾). Наконецъ, много живого интереса представляютъ, —также могутъ быть названы «перлами», —и письма Тургенева къ Фету: 103 письма Тургенева напечатаны Фетомъ въ его автобіографіи: «Мои воспоминанія», Москва, 1890 г. 2 части. Особенный характеръ этой переписки придаетъ ей тѣмъ большее значеніе: письма служили продолженіемъ живыхъ, горячихъ и непрестанныхъ споровъ друзей

¹⁾ Въ сборникѣ Фонда, и кромѣ писемъ къ Половскимъ, можно было бы указать множество писемъ огромной важности въ общественномъ, литературномъ и личномъ для Тургенева отношеніяхъ, напр.: письма къ Фету, къ Милюгиной, Венгеру, Случевскому, Маслову и т. д.

о самых разнообразных предметах, поэтому, — аргументация авторов наприженная, шутка, сарказмъ, разсужденіе, поэтической образъ, проза и стихъ чередуются въ этихъ письмахъ, и чтеніе ихъ чрезвычайно любопытно и увлекательно.

Теперь, такимъ образомъ, возможно было бы первое изданіе писемъ Тургенева дополнить цѣлымъ томомъ писемъ, вновь напечатанныхъ, или, еще лучше было бы, переиздать все напечатанное въ томъ же строго-хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ письма были изданы Литературнымъ Фондомъ, — это представило бы много удобствъ для изученія ихъ, для пользованія этимъ богатымъ матеріаломъ въ томъ или другомъ отношеніи ²⁾).

Важное значеніе переписки Тургенева раскрывается именно при выясненіи какого-либо опредѣленнаго вопроса. Мы себѣ поставили цѣлью выяснить — на основаніи лишь писемъ Тургенева — его отношенія къ Льву Толстому, какъ человѣку и, главное, какъ писа-

²⁾ Желательно было бы и больше пояснительныхъ примѣчаній къ письмамъ, а то во многихъ случаяхъ положительно становишься втупикъ, не зная, о комъ или о чемъ идетъ рѣчь.

... думается, что они
бьются намеченный нами

Дневъ и Толстой—это двѣ та
и силы въ русской литерату
и, что взаимныя отношенія и
твенный обликъ каждаго са
представляютъ чрезвычайны
ъ, а, кромѣ того, мы имѣли
то обстоятельство, что появ
этомъ году новыхъ писемъ Ту
съ близкимъ ему людямъ, с
или, вѣрнѣе, грубовато-откр
отзывами о нѣкоторыхъ пр
къ Л. Толстого, отзывами³
тотчасъ же были подхвачен
могло въ читателяхъ пор
вратныя понятія объ отнош
ргенева къ Л. Толстому, как
и чуждымъ

держкамъ изъ писемъ И. С. Тургенева къ разнымъ лицамъ, когда въ нихъ, по тому или другому поводу, заходила рѣчь, скажемъ его же словами, — о «великомъ писателѣ русской земли»,

---

Я увѣренъ, что даже сквозь обликъ будничнаго Тургенева, со всеми его мелкими слабостями и недостатками, будетъ просвѣчивать и его великій умъ и его великое сердце.
Полонскій (Тургеневъ у себя).

Стремленіе къ безпристрастію и къ истиннѣйшей всецѣлой есть одно изъ немногихъ добрыхъ качествъ, за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ.

(Изъ письма Тургенева къ Дружинину).

Литераторъ отвѣчаетъ только за напечатанное слово.

(Изъ письма Тургенева къ Фету).

I.

(1—23).

Отзывы Тургенева о Толстомъ появились въ теченіе 29 лѣтъ. — Первые отзывы Тургенева. — Взаимныя изъясненія расположенія. — О настроеніи Толстого. — Предвѣщаніе Толстому великой роли въ будущемъ — Указаніе на духъ противорѣчія въ Толстомъ. — Признаніе существующей розни между собой и Толстымъ. — Интересъ къ литературной дѣятельности Толстого. — Участіе къ семейнымъ горестямъ Толстого. — Прихотливость его образа дѣйствій.

Отзывы о Толстомъ и его сочиненія въ перепискѣ Тургенева встрѣчаются очень рано—съ 1854 г.; они не прерываются затѣмъ въ продолженіе 29 лѣтъ, почти до дня смерти Тургенева: послѣднее письмо Тургенева было къ Толстому, въ концѣ іюня 1883 г., а умеръ Тургеневъ въ августъ того же года.

Мѣтко и безъ колебаній, уже въ первыхъ своихъ отзывахъ, опредѣляетъ Тургеневъ силу новаго литературнаго дѣятеля по первымъ его произведеніямъ.

1. *Е. Я. Колбасину, изъ Спасскаго, 1854 г., 29-го окт. (9) ⁴).*

«Очень радъ я успѣху «Отрочества». Дай только Богъ Толстому пожить, а

⁴) Сб. Лит. Фонда.

онъ, я твердо надѣюсь, еще удивить насъ всѣхъ—это талантъ первостепенный».

2. *А. В. Дружинину, изъ Спасскаго, 1855 г., 10-го іюля (14).*

«Кстати, не правда ли, какая отличная вещь—«Севастополь» Толстого?»

3. *С. Т. Аксакову, изъ Спасскаго, 1855 г., 3-го авг. (№ 34).*

«Читали ли вы статью Толстого «Севастополь» въ «Современникъ»? Я читалъ ее за столомъ, кричалъ: ура! и выпилъ бокаль шампанскаго за его здоровье».

4. *С. Т. Аксакову, изъ С.-Петербурга, 1856 г., 27-го февр. (№ 38).*

«Толстому я передалъ вашъ поклонъ и ваше порученіе. Онъ написалъ превосходный рассказъ, подъ названіемъ: «Метель». Вы увидите его въ мартовской книжкѣ «Современника».

Къ этому же, 1856-му году, относятся и первыя письма Тургенена къ самому Толстому. Они чрезвычайно замѣчательны искренностью и прямою тономъ. Въ нихъ слышится и сердечное расположеніе къ молодому таланту—Тургеневъ даетъ Толстому дружескія и сочувственныя указанія—и откровенное признаніе, что личныя встрѣчи приводятъ ихъ лишь къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ. Впрочемъ, Тургеневъ

Б. Л. Н. Толстому,
1856 г., 16-ю ноября

«Любезнѣйшій Толстой
отъ 15-го октября полз
лый мѣсяць—я его по
вчера.—Я подумалъ хоро
что вы мнѣ пишете,—и
что вы неправы.—Я, я
быть совершенно истинен
тому что не могу быть
кровененъ; мнѣ кажется
мились неловко и въ нелад
и, когда мы увидимся оп
деть гораздо глаже и д
ствую, что люблю васъ,
(объ авторѣ и говорить н
гое меня въ васъ короби
шелъ подъ-конецъ удоб
отъ васъ полагать. Нам

несомнѣнно; авось изъ этого со-временѣ выйдеть все хорошее.

Я слышалъ о вашей болѣзни—и огорчался; а теперь прошу васъ выкинуть воспоминаніе о ней изъ головы. Вѣдь вы тоже мнительны—и, пожалуй, думаете о чахоткѣ, но, ей Богу, у васъ ея нѣтъ . . . . . Французская фраза мнѣ такъ же противна, какъ вамъ.....

Вы окончили 1-ую часть «Юности»—это славно. Какъ мнѣ обидно, что я не могу услыхать ее.—Если вы не свихнетесь съ дороги—(и, кажется, нѣтъ причинъ предполагать это)—вы очень далеко уйдете. Желаю вамъ здоровья, дѣятельности—и свободы, свободы духовной.... Мои вещи могли вамъ нравиться—и, можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на васъ—только до тѣхъ поръ, пока вы сами сдѣлались самостоятельны. Теперь вамъ меня изучать нечего, вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; вамъ остается изучать челоуѣка, свое сердце—и дѣйствительно великихъ писателей. А я писатель переходнаго времени—и гожусь только для людей, находящихся въ переходномъ состояніи».

6. Л. Н. Толстому, изъ Парижа,
1856 г., 8-го декабря (33—35).

«Милый Толстой, вчера мой добрыѣ

геній провель меня мимо почты,—и я вздумалъ зайти справиться, нѣтъ ли мнѣ писемъ *poste restante*, хотя по моему расчету всѣ мои друзья уже давно должны знать мой парижскій адресъ,—и нашель ваше письмо, гдѣ вы мнѣ говорите о моемъ «Фаустѣ». Вы легко поймете, какъ мнѣ было весело его читать. Ваше сочувствіе меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кромѣ того, ото всего письма вѣяло чѣмъ-то кроткимъ и яснымъ, какой-то дружелюбной тишиной. Мнѣ остается протянуть вамъ руку черезъ «оврагъ», который уже давно превратился въ едва замѣтную щель, да и о ней упоминать не будемъ—она этого не стоитъ.

..... Очень меня утѣшаетъ ваше намѣреніе работать, какъ вы говорите, «стиснувъ зубы».—Дѣло это почтенное, а я здѣсь, грѣшный—между нами сказать—ничего не дѣлаю...

..... Вы мнѣ не пишете о вашей сестрѣ. Говорятъ, она въ Москвѣ и очень больна. Пожалуйста, извѣстите меня въ подробности объ ея положеніи... Пришлите мнѣ ея адресъ въ Москвѣ; я хочу написать ей.

... Ну, прощайте, милый Л. Н.—да пишите мнѣ почаще,—а я остаюсь душевно васъ любящій».

Въ письмахъ къ Дружинину, Полон-

скому, Е. Колбасину сказывается то же благорасположеніе къ Толстому, вниманіе къ его литературной дѣятельности, то же предвидѣніе его глубокаго значенія въ русской жизни и искусствѣ и опять указаніе, что личной близости между ними быть не можетъ.

7. *Дружинину, изъ Парижа, 1856 г.,
5 10 декабря (32).*

«Вы, говорятъ, очень сошлись съ Толстымъ—и онъ сталъ очень милъ и ясенъ. Очень этому радуюсь. Когда это молодое вино перебродитъ, выйдетъ напитокъ, достойный боговъ».

8. *Дружинину, изъ Парижа, 1857 г.,
13-го января (44).*

«Толстой мнѣ пишетъ, что онъ собирается сюда ѣхать и отсюда весной въ Италію; скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ, если хочетъ застать меня. Впрочемъ, я ему самъ напишу. По письмамъ его я вижу, что съ нимъ совершаются самыя благодатныя перемѣны—и я радуюсь тому, «какъ нянька старая». Я прочелъ его «Утро помѣщика», которое чрезвычайно понравилось мнѣ своей искренностью и почти полной свободой воззрѣнія; говорю: почти—потому что въ томъ, какъ онъ себѣ задачу поставилъ, —скрывается еще (можетъ быть, беско-

знательно для него самого) нѣкоторое предубѣжденіе. Главное нравственное впечатлѣніе этого разсказа (не говорю о художественномъ) состоитъ въ томъ, что, пока будетъ существовать крѣпостное состояніе, нѣтъ возможности сближенія и полиманія обѣихъ сторонъ, несмотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія—и это впечатлѣніе хорошо и вѣрно; но при немъ бѣжить другое, побочное, пристязное—а именно то, что, вообще, просвѣщать мужика, улучшать его быть—ни къ чему не ведетъ, —и это впечатлѣніе неприятно ⁵⁾. Но мастерство языка, разсказа, характеристики великое».

9. *Я. П. Полонскому, изъ Парижа, 1857 г., 17-го февр. (47).*

«Толстой здѣсь. Въ немъ произошла перемѣна къ лучшему весьма значительная. Этотъ человекъ пойдетъ далеко и оставитъ за собою глубокий слѣдъ».

10. *Е. Я. Колбасину, изъ Парижа, 1857 г., 8-го марта (51).*

«Я здѣсь часто вижу Толстого... Съ

⁵⁾ Это замѣчательный отзывъ: художественнымъ путемъ своимъ Тургеневъ уже тогда указывалъ Толстому то отрицаніе цивилизаціи, которое стало вполне сознательнымъ для самого писателя и конатнымъ русской публики лишь въ послѣдніе годы.

Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ».

Въ сборникѣ Литературнаго Фонда мы далѣе не встрѣчаемъ отзывовъ о Толстомъ до марта мѣсяца 1868 года; къ счастью, за этотъ одиннадцатилѣтній періодъ мы имѣемъ довольно много писемъ Тургенева къ Фету ⁶⁾ и къ Анненкову ⁷⁾.

Въ письмахъ къ Фету видимъ тоже отношеніе Тургенева къ Толстому: живой интересъ къ его личности, обстоятельствамъ домашней жизни, литературной дѣятельности; но вмѣстѣ слышится и недовольство неудачными попытками личнаго сближенія, усталость и огорченіе. Тургеневъ указываетъ также на своенравіе въ характерѣ Толстого, на его готовность длить споры, противорѣчить, чудить; становится, наконецъ, втупикъ передъ неожиданностью его образа дѣйствій. Всѣ эти упреки выясняютъ намъ своеобразіе нравственной фізіономіи гр. Л. Толстого довольно опредѣленными

---

⁶⁾ См. его автобіографію „Мои воспоминанія“, 2 ч. М. 1890 г.

⁷⁾ „Русское Обозрѣніе“ 1894 г., №№ 1 и 2.,

штрихами и притомъ болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ тому назадъ.

Вотъ эти характерные отрывки изъ писемъ Тургенева къ Фету.

11. Изъ Рима, 1857 г., 7-го ноября (214) 8).

«Спасибо за извѣстiе о Толстомъ и его сестрѣ. Скажите имъ, что они не худо бы сдѣлали, если бы написали мнѣ... Скажите Толстому, чтобы онъ выслалъ мнѣ свой адресъ и сестрицъ. Развѣ онъ намѣренъ поселиться въ Москвѣ? Познакомились ли вы съ его братомъ Николаемъ?»

12. Изъ Рима, 1858 г., 2-го янв. (229).

«Вы говорите, что часто мечтаете о нашемъ общемъ житьѣ въ деревнѣ въ нынѣшнемъ году... Я мечтаю о немъ даже здѣсь, среди величавыхъ развалинъ, въ длинныхъ мраморныхъ залахъ Ватикана. Не даромъ же судьба поселила насъ всѣхъ—васъ, Толстого, меня—въ такомъ недалекомъ разстоянiи другъ отъ друга! 9) —Поклонъ Толстому и его сестрѣ; я жду отъ нихъ отвѣта на мои письма; но они, кажется, лѣнятся».

Слѣдующее письмо написано по пунк-

8) „Мои воспоминанiя“, ч. 1-ая.

9) Степановка Фета и Спасское Тургенева въ Орловской губ., а Ясная Поляна гр. Л. Толстого въ Тульской.

тамъ; приведемъ изъ нихъ два и самое окончаніе письма.

13. *Изъ Петербурга, 1858 г., 16-го янв. (231).*

«3). Я до сихъ поръ еще не въѣхалъ! Вѣроятно, первую попытку сдѣлаю завтра. Но я вовсе не хандрить, скажите это Толстому,—и на меня можно смотреть, не чувствуя приращенія непріязненныхъ чувствъ,—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Посовѣтуйте ему приѣхать сюда поскорѣй,—онъ бы насъ всѣхъ вообще, а Дружинина въ особенности порадовалъ. По крайней мѣрѣ, пусть присылаетъ онъ свои «Три смерти»,—а лучше бы привезъ ихъ самъ.

4) Поклонитесь отъ меня, пожалуйста, обоимъ Толстымъ и графинѣ Марьѣ Николаевнѣ. Нельзя ли узнать ея адресъ?

..... Полонскій на-дняхъ спрашивалъ меня о значеніи слѣдующей фразы Григорьева: «Каждый человекъ въ наше время разомъ переживаетъ двѣ формулы». Я увѣренъ, что Толстой будетъ увѣрять, что эта фраза совершенно ясна».

14. *Изъ Петербурга, 1858 г., 27-го декабря (284).*

«Что это Толстой не ѣдетъ? Дружи-

нинъ его ждетъ съ тоскливымъ нетерпѣніемъ. Ужъ не съѣли ли его медвѣди?»

15. Изъ Петербурга, 1859 г. 7-го янв.
(290).

«Вы пишете, что Л. Толстой сюда поѣхалъ,—здѣсь онъ никому не показался, должно быть, въ Бологовѣ опять схватился съ медвѣдемъ¹⁰⁾».

16. Изъ Виши, 1859 г., 18-го іюня
(302).

Приведемъ изъ этого письма слѣдующую тираду¹¹⁾:

«Извѣстите меня обо всемъ на свѣтѣ: о вашей женѣ, о вашей сестрѣ, о Борисовѣ, о его сынѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, о литературѣ, о «Современникѣ» и «Временникѣ», о журналахъ, о моемъ дядѣ и его семействѣ (надѣюсь, что вы ихъ видите), о Толстомъ, о Толстой, о купальнѣ на Зушѣ, о береговой аллеѣ, о томъ, загорѣли ли вы, умываетесь ли вы, о Мценскомъ соборѣ, о количествѣ

---

¹⁰⁾ Графъ Л. Толстой въ молодые годы свои былъ страстнымъ охотникомъ.

¹¹⁾ Она живо напоминаетъ шуточное стихотв. Пушкина „Монологъ пьянаго мужа“ или „Поминки“, первоначальная мысль котораго найдется въ письмѣ Пушкина и кн. Вяземскаго къ Жуковскому (26-го марта 1833 г.).

грачей, о томъ, продолжаютъ ли они играть надъ кручью Веселой Горы, о засухѣ, которая насъ здѣсь пугаетъ, о паромѣ на Зушѣ, объ огрызненныхъ ракигахъ по дорогамъ, о кабакахъ и трезвости, о томъ, измѣнился ли запахъ въ избахъ, о Некрасовѣ и вашихъ съ нимъ счетахъ, о москвичахъ, о наидрагоценнѣйшемъ и наивозлюбленнѣйшемъ мудрецѣ и перипатетикѣ Николаѣ Толстомъ, о брюхѣ Порфирія и о бильярдной игрѣ съ нимъ, о заусенцахъ, о носѣ, засиженномъ мухами двухъ поколѣній,—словомъ, обо всемъ.—Я же, съ своей стороны, ни о чемъ васъ не извѣщаю, ибо знаю, что для васъ все западное, все европейское есть нѣчто въ родѣ мерзости... Я, кажется, заврался.»

17. Изъ Куртавнеля, 1859 г., 16-го
юля (305).

Это письмо все написано бѣлыми стихами. Вотъ изъ него характерный отрывокъ:

...«Толстого Николая поцѣлуйте
И Льву Толстому поклонитесь,—также
Сестрѣ его. Онъ правъ въ своей при-
пискѣ:

Мнѣ не за что къ нему писать. Я
знаю,

Меня онъ любить мало, и его
Люблю я мало. Слишкомъ въ насъ
различны
Стихи; но дорогъ на свѣтѣ много:
Другъ другу мы мѣшать не захотимъ.»

18. Изъ Спасскаго, 1859 г., 9-го ок-
тября (311).

Тургеневъ былъ у себя въ имѣнii,
которымъ управлялъ его дядя, чело-
вѣкъ семейный. Къ Тургеневу наѣзжа-
ли повидаться, побесѣдовать, поохо-
титься—сосѣди. Пріѣзжалъ и гр. Л.
Толстой.

«Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно
и расстались дружелюбно. Кажется, не-
доразумѣній межъ нами быть не можетъ,
потому что мы другъ друга понимаемъ
ясно, и понимаемъ, что тѣсно сойтись
намъ невозможно. Мы изъ разной гли-
ны слѣвлены.»

19. Изъ Петербурга, 1860 г., 22-го
февраля.

Кажется, по поводу увлеченій Л.
Толстого хозяйствомъ, Тургеневъ пи-
шетъ:

«А Левъ Толстой продолжаетъ чудить.
Видно такъ уже написано ему на роду.
Когда онъ перекувыркнется въ послѣд-
ній разъ и станетъ на ноги?»

20. Изъ Петербурга, 1860 г., 13-го марта (321).

Можетъ быть, Тургеневъ уже зналъ рѣзкій, неодобрительный отзывъ Л. Толстого о своей повѣсти «Наканунъ»¹²⁾, а, можетъ быть, интересуясь вообще мнѣніемъ Толстого и спасаясь его порицанія, Тургеневъ, сообщая Фету, что чтеніе новой повѣсти его «Первая любовь» передъ литературнымъ ареопагомъ изъ Островскаго, Писемскаго, Анненкова, Дружинина и Майкова, состоялось, и ареопагъ остался доволенъ, прибавляетъ:

«Единственный человѣкъ, котораго я совершенно отказываюсь удовлетворить когда-нибудь,—Левъ Толстой. Но что дѣлать! Видно, такъ у меня на роду написано. Здѣсь распространились слухи, что онъ снова принялся работать, и мы всѣ порадовались».

21. Изъ Парижа, 1860 г., 8-го сентября (347).

Болѣзнь гр. Николая Толстого вызвала заграничную поѣздку его самого, сестры гр. Маріи Николаевны и гр.

---

¹²⁾ Письмо Толстого къ Фету отъ 23-го февраля 1860 г., стр. 317, ч. 1-ая.

Льва Толстого. Теперь Тургеневъ сообщаетъ о нихъ Фѣту:

«Послѣднія извѣстія о Толстыхъ состоятъ въ томъ, что они намѣрены были ѣхать на Герскіе острова; я звалъ ихъ по дорогѣ въ Парижъ, но они не пріѣхали. У бѣднаго Николая уже въ горлѣ чихотка; недолго ему осталось жить. О Левѣ все никакого нѣтъ извѣстія; да я, признаться, не слишкомъ интересуюсь знать о человѣкѣ, который самъ не интересуется никѣмъ».

22. Изъ Парижа, 1860 г., 3 окт. (349).

«Да, вотъ мы еще съ вами собираемся жить; а для Николая Толстого уже не существуетъ ни весны, ни соловьиныхъ пѣсенъ, ничего!... Левъ Николаевичъ былъ съ нимъ, и теперь еще въ Герѣ (Ник. Ник. скончался въ Герѣ, а не на островахъ)... золотой былъ человѣкъ, и уменъ, и простъ, и милъ. Я бы желалъ поговорить о его послѣднихъ дняхъ со Львомъ Николаевичемъ, да Богъ знаетъ, когда и гдѣ я его увижу».

Эти свѣдѣнія Тургеневъ получилъ не отъ Льва Толстого, а отъ его сестры, и слѣдующее извѣстіе имѣетъ онъ такъ же изъ вторыхъ рукъ.

24. *Изъ Парижа, 1861 г., 10 го января (362).*

«Отъ Л. Толстого получено письмо изъ Ливорно, въ которомъ онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Неаполь и въ то же время хочетъ быть здѣсь въ февралѣ, чтобы летѣть въ Россію. Что изъ этого всего выйдетъ—неизвѣстно».

II.

(24—45).

Ссора Тургенева съ Толстымъ, близость души, взаимные вызовы и извиненія.—Враждебность созвѣдій.—Живой интересъ Тургенева къ литературной дѣятельности Толстого: заботы о хорошихъ переводахъ и критическихъ статьяхъ въ иностранной литературѣ; отзывы самого Тургенева о „Казакахъ“, „Полюшкинъ“, „Войнѣ и Мирѣ“.—Указаніе Тургенева на рознь своихъ западныхъ воззрѣній съ славянскими отъ Фетя и Толстомъ.

При несомнѣнномъ расположеніи Тургенева къ Толстому трудно себѣ объяснить, почему всѣ попытки личнаго сближенія приводили лишь къ разладу. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ли «врозь глядѣли» оба наши писателя, или нравственная сущность ихъ личности была черезчуръ не схожа—«слишкомъ въ насъ различны стихіи»,

«изъ разной глины слѣплены» они были, или, наконецъ, случайное стеченіе обстоятельствъ тому виной — «наши созвѣздія рѣшительно враждебно двигаются въ эфирѣ», писалъ Тургеневъ, — но фактъ тотъ, что натянутыя отношенія оборвались страшнымъ разрывомъ: почти неизбѣжна была дуэль, и русскому обществу грозила потеря еще одного изъ великихъ нашихъ писателей...

Личныя отношенія между Тургеневымъ и Толстымъ были прерваны на цѣлыхъ семнадцать лѣтъ (1861—1878), — послѣ ссоры Тургеневъ писалъ Фету: «намъ слѣдуетъ жить, какъ будто мы существуемъ на различныхъ планетахъ или въ различныхъ столѣтіяхъ», — и однако же, за этотъ періодъ мы имѣемъ много писемъ Тургенева, изъ которыхъ видно, что онъ съ тѣмъ же неослабѣвающимъ интересомъ относится и къ личности Толстого, и къ его литературной дѣятельности, и къ славѣ его имени за границей, — и это, повторяемъ, расходясь съ нимъ во многомъ.

Обратимся теперь, для подтвержденія сказаннаго, къ письмамъ, — къ перепискѣ Тургенева съ Фетомъ и

Анненковымъ; изъ сборника Фонда возьмемъ лишь письмо къ Я. П. Полонскому.

Кто бы могъ подумать, что эта веселая записочка предвѣщаетъ грозу?

24. Изъ Спасскаго, 1861 г., 19-го мая (368).

«Fettie carissime, посылаю вамъ записку отъ Толстого, которому я сегодня же написалъ, чтобъ онъ непременно пріѣхалъ сюда въ началѣ будущей недѣли, для того чтобы совокупными силами ударить на васъ въ вашей Степановкѣ, пока еще поютъ соловьи и весна улыбается «свѣтла, блаженно равнодушна». Надѣюсь, что онъ услышитъ мой зовъ и прибудетъ сюда. Во всякомъ случаѣ, ждите меня въ концѣ будущей недѣли, а до тѣхъ поръ будьте здоровы, не слишкомъ волнуйтесь, памятью слова Гете: «Ohne Hast, Ohne Rast», и хотъ однимъ глазомъ поглядывайте на вашу осиротѣлую Музу. Женѣ вашей мой поклонъ.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ».

Въ это письмо была вложена записка Л. Толстого:

«Обнимаю васъ отъ души, любезный другъ Аван. Аван., за ваше письмо и

за вашу дружбу, и за то, что вы есть Фетъ. Ивана Сергѣевича мнѣ хочется видѣть, а васъ въ десять разъ больше. Такъ давно мы не видались, и такъ много съ нами обоими случилось съ тѣхъ споръ. . . . . Особенное будетъ несчастье, ежели я не побываю у васъ нынче лѣтомъ, а когда, не знаю.

Л. Толстой».

Дѣйствительно, черезъ недѣлю, 26-го мая 1861 г., Тургеневъ въ своей коляскѣ вмѣстѣ съ гр. Л. Толстымъ приѣхалъ къ Фету въ его Степановку, а на другое утро и разыгралась бурная сцена между Тургеневымъ и Толстымъ.

Вотъ это прискорбное событіе по разсказу Фета ¹³⁾.

„Утромъ, въ наше обыкновенное время, т. е., въ 8 часовъ, гости вышли въ столовую, въ которой жена моя занимала верхній конецъ стола за самоваромъ, а я въ ожиданіи кофея помѣстился на другомъ концѣ. Тургеневъ сѣлъ по правую руку хозяйки, а Толстой по лѣвую. Зналъ важность, которую въ это время Тургеневъ придавалъ воспитанію своей дочери, жена моя спросила его, доволенъ ли онъ своею английскою гувернанткой. Тургеневъ сталъ изливаться въ похвалахъ гувернанткѣ и, между

---

¹³⁾ „Мои воспоминанія“, ч. 1-я, 370—375 стр.

прочимъ, разсказалъ, что гувернантка съ англійскою пунктуальностію просила Тургенева опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для благотворительныхъ цѣлей. „Теперь, сказалъ Тургеневъ, англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ оную, возвращала по принадлежности“. —И это вы считаете хорошимъ? спросилъ Толстой. —Конечно; это сближаетъ благотворительницу съ насущною нуждой. —А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискреннюю, театральную сцену. —Я васъ прошу этого не говорить! вскрикнулъ Тургеневъ съ раздувающимися ноздрями. —Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ, отвѣчалъ Толстой. —Не успѣлъ я крикнуть Тургеневу: „перестаньте!“ какъ, блѣдный отъ злости, онъ сказалъ: „такъ я васъ заставлю молчать оскорбленіемъ“. Съ этимъ словомъ онъ вскочилъ изъ-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно зашагалъ въ другую комнату. Черезъ секунду онъ вернулся къ намъ и сказалъ, обращая къ женѣ моей: „ради Бога, изкиньте мой безобразный поступокъ, въ которомъ я глубоко раскаяваюсь“. Съ этимъ виѣстѣмъ онъ снова ушелъ“.

Ни въ перепискѣ Тургенева, ни въ разсказѣ Фета не приведено то «безум-

ное» слово, по выраженію самого Тургенева, которое и было оскорбленіемъ Толстому.—Размышляя объ этой бурной вспышкѣ, Фетъ, хорошо знавшій объ стороны, близкій пріятель того и другого, не даетъ намъ, однако, ключа къ разъясненію постоянной враждебности личныхъ встрѣчъ этихъ выдающихся людей, и въ данномъ случаѣ опять ограничивается лишь приведеніемъ мѣткихъ, по его мнѣнію, словъ покойнаго гр. Николая Толстого, который, будучи свидѣтелемъ раздражительныхъ споровъ Тургенева со Львомъ Николаевичемъ, не разъ со смѣхомъ говорилъ: «Тургеневъ никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что Левочка растетъ и уходитъ у него изъ-подъ опеки». Едва ли допустимы эти мелочныя побужденія въ данномъ случаѣ,—въ деревенской глуши, въ семьѣ пріятеля; кромѣ того, оба главныхъ участника были далеки отъ возраста юношеской заѣззчивости, вѣдь, Тургеневу было около 43 лѣтъ, а Толстому около 33 ¹⁴⁾, да и раньше, въ самыхъ первыхъ письмахъ Тургенева, нигдѣ не видно стремленія къ менторству. На-

¹⁴⁾ Тургеневъ род. 1818 г. 23-го окт., Толстой—1828 г. 28-го авг.

ковецъ, почему же оставлять безъ вниманія другую сторону—Толстого, съ его склонностью къ противорѣчямъ и спорамъ, что указано Тургеневымъ въ письмѣ къ Фету же (№ 13)? Можно ли обходить его чувства къ Тургеневу?— Въ позднѣйшемъ письмѣ, опять къ Фету 15), разбирая «Дымъ» Тургенева, Толстой оговаривается:... «я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю»... Эта нелюбовь—думается намъ—всегда могла сильно обострять и пустыя, сами по себѣ, недоразумѣнія.

Что произошло вслѣдъ за ссорой, не разъясняетъ детально и ближайшій свидѣтель всего происшедшаго—Фетъ; противники обмѣнялись нѣсколькими письмами, возможна была дуэль, по «главныхъ писемъ, доведшихъ дѣло до такого раздражительнаго конца, въ рукахъ у меня нѣтъ», говоритъ Фетъ; его попытки уладить дѣло копчились даже временнымъ разрывомъ съ Л. Толстымъ.

Отклики всей этой печальной исторіи мы встрѣчаемъ въ письмахъ Тургенева къ Фету.

---

¹⁵⁾ Фетъ „Мои воспоминанія“, ч. 2-ая, 121 стр., письмо отъ 27-го іюня 1867 г.

25. Изъ Парижа, 1861 г., 8-ю ноя-
бря (381).

«Кстати, «еще одно послѣднее сказанье» о несчастной исторіи съ Толстымъ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, я узналъ отъ *вѣрныхъ людей* (охъ, ужъ эти мнѣ вѣрные люди!), что по Москвѣ ходять списки съ послѣдняго письма Толстого ко мнѣ (того письма, гдѣ онъ меня «презираетъ») — списки, будто бы распущенные самимъ Толстымъ. Это меня взбѣсило, и я послалъ ему отсюда вызовъ на время моего возвращенія въ Россію. Толстой отвѣчалъ мнѣ, что это распространеніе списковъ — чистая выдумка, и тутъ же прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, повторивъ, что и какъ я его оскорбилъ, — *проситъ у меня извиненія и отказывается отъ вызова*. Разумѣется, на этомъ дѣло и должно покончиться, и я только прошу васъ сообщить ему (такъ какъ онъ пишетъ мнѣ, что всякое новое обращеніе къ нему отъ моего лица онъ сочтетъ за оскорбленіе), что я самъ отказываюсь отъ всякаго вызова и т. п. и надѣюсь, что все это похоронено навѣкъ. Письмо его (извинительное) я уничтожилъ, а другое письмо, которое, по его словамъ, было послано ко мнѣ черезъ книгопродавца Давы-

дова, я не получилъ вовсе. А теперь, всему этому дѣлу de profundis».

26. Изъ Парижа, 1862 г., 7-го января (384).

Первая половина письма написана по пунктамъ.

«А теперь безъ пунктовъ: видѣли ли вы Толстого? Я *сегодня только* получилъ письмо, посланное имъ въ сентябрь черезъ книжный магазинъ Давыдова (хороша исправность кушцовъ русскихъ) ко мнѣ. Въ этомъ письмѣ онъ говорить о своемъ намѣреніи оскорбить меня, извиняется и т. д. А я почти въ то самое время, вслѣдствіе другихъ сплетенъ, о которыхъ я, кажется, писалъ вамъ, посылая ему вызовъ и т. д. Изъ всего этого должно вывести заключеніе, что наши созвѣздія рѣшительно враждебно двигаются въ эфиръ, и потому намъ лучше всего, какъ онъ самъ предлагаетъ, избѣгать свиданія. Но вы можете написать ему или сказать (если вы увидите), что я (безъ всякихъ фразъ и каламбуровъ) *издали* его очень люблю, уважаю и съ участіемъ слѣжу за его судьбой, но что вблизи все принимаетъ другой оборотъ. Что дѣлать! намъ слѣдуетъ жить, какъ будто мы существу-

емъ на различныхъ планетахъ или въ различныхъ столѣтiяхъ».

27. *Изъ Парижа, 1862 г., 14-ю января (384).*

«Любезнѣйшій Аванасiй Аванасьевичъ, прежде всего я чувствую потребность извиниться передъ вами въ той совершенно неожиданной черепицѣ (tuile, какъ говорятъ французы), которая свалилась вамъ на голову, по милости моего письма. Одно, что меня утѣшаетъ нѣсколько, это то, что я никакъ не могъ предвидѣть подобную выходку Толстого и думалъ все устроить къ лучшему; оказывается, что это такая рана, къ которой уже лучше не прикасаться. Еще разъ прошу у васъ извиненiя въ моемъ невольномъ грѣхѣ».

Интересъ слѣдующихъ писемъ, по преимуществу, литературный.

28. *Изъ Парижа, 1862 г., 4-ю февраля (391).*

«Я ожидалъ отчета о «Мининъ» а вы мнѣ прислали цѣлую діатрибу по поводу «Молотова». Знаете ли что, милѣйшiй мой? Такъ же, какъ Толстого страхъ фразы загналъ въ самую отчаянную фразу, такъ и васъ отвращенiе къ уму въ художестве доведло до самыхъ изыс-

канныхъ умствованій и лишило именно того наивнаго чувства, о которомъ вы такъ хлопчете. Въсто того, чтобы сразу понять, что Молотовъ написанъ очень молодымъ человѣкомъ, который самъ еще не знаетъ, на какой погѣ ему плясать, вы увидали въ немъ какого-то образованнаго Панаева. Вы не замѣтили двухъ-трехъ прекрасныхъ и *наивныхъ* страницъ о томъ, какъ развивалась и росла эта Надя или Настя, вы не замѣтили другихъ признаковъ молодого дарованія и уткнулись въ напосную пыль и сушь, о которой и говорить не стоило. Впрочемъ, это между нами нескончаемый споръ. Я говорю, что художество такое великое дѣло, что цѣлого человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: «здѣсь все черно, а тамъ все бѣло»; «правда вся сидитъ на одной сторонѣ». А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плеча топоромъ—только себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно,

легче, а то, признавъ, что правда и тамъ и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно... Я радъ, что вы, по крайней мѣрѣ, сошлись съ Толстымъ, а то это было ужъ очень странно»...

29. *Изъ Парижа, 1862 г., 5-го марта (393).*

«Толстой написалъ Боткину, что онъ въ Москвѣ проигрался и взялъ у Каткова 1,000 р. въ задатокъ своего кавказскаго романа. Дай-то Богъ, чтобы хоть этакимъ путемъ онъ возвратился къ своему настоящему дѣлу. Его «Дѣтство и Юность» появилось въ англійскомъ переводѣ и, сколько слышно, правится. Я попросилъ одного знакомаго написать объ этомъ статью для *Revue des deux mondes*. Знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ беременная женщина, бессмысленно. А что подѣлываетъ «Ясная Поляна»? (Я говорю о журналѣ)».

30. *Изъ Парижа, 1863 г., 7-го апрѣля (417).*

Это письмо все написано по пунктамъ. Остановимся на одномъ изъ нихъ.

«3. «*Казаковъ*» я читалъ и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ (и Боткинъ также). Одно лицо Оленина портитъ общее великолѣпное впечатлѣніе. Для контраста цивилизаціи съ первобытною, нетронутую природой не было никакой пужды снова выводить это возящееся съ самимъ собою скучное и болѣзненное существо. Какъ это Толстой не сбросить съ себя этотъ кошмаръ».

31. *Изъ Петербурга, 1864 г., 25-го января (7 16).*

«Прочелъ я послѣ вашего отъѣзда «Поликушку» Толстого и удивился силѣ этого крупнаго таланта. Только матеріалу ужъ больно много потрачено, да и сыпнишку онъ напрасно утопилъ. Ужъ очень страшно выходить. Но есть страшныя поистинѣ удивительныя! Даже до холода въ спинной кости пробираетъ, а вѣдь у насъ она уже и толстая и грубая. Мастеръ, мастеръ!»

32. *Изъ Баденъ-Бадена, 1866 г., 25-го марта (88).*

«Въ нынѣшнемъ году я получаю журналы и вновь слѣжу за россійской литературой: отраднаго мало. Самое пріят-

---

1) Фетъ. „Мои воспоминавія“, ч. 2-ая.

ное явленіе—возобновленіе «Вѣстника Европы» — Костомарова. Первая часть «Преступленія и Наказанія» Достоевскаго замѣчательна; вторая часть опять отдаетъ прѣлымъ самоковырніемъ. Вторая часть 1805 года тоже слаба: какъ это все мелко и хитро, и неужели не надоѣли Толстому эти вѣчныя разсужденія о томъ, — трусь, молъ, я или нѣтъ? — Вся эта патологія сраженія? Гдѣ тутъ черты эпохи? гдѣ краски историческія? Фигура Денисова бойко начерчена; но она была бы хороша, какъ узоръ на фонѣ, а фона-то и нѣтъ.

— Однако, basta! Что это я вдаюсь сегодня въ критиканство?»

33. *Изъ Баденъ-Бадена, 1866 г.,
27-го іюня (95).*

«Романъ Толстого плохъ не потому, что онъ также заразился «разсудительствомъ»: этой бѣды ему бояться нечего; онъ плохъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ намъ какихъ-то рабски списанныхъ современныхъ генеральчиковъ».

Строго придерживаясь хронологическаго порядка, мы приведемъ теперь нѣсколько короткихъ замѣчаній и два

значительныхъ отрывка изъ писемъ Тургенева къ Анненкову 17).

34. *Изъ Блденъ-Бадена, 1867 г., 23-го сентября (XX).*

«Если не слишкомъ дорого, вышлите мнѣ «Тысяча восемьсотъ пятый годъ» Л. Толстого».

35. *Оттуда же, 1868 г., 2-го января (XXV).*

«Скажите мнѣ ваше мнѣніе о «Войнѣ и Мирѣ» Толстого; высылать же четвертаго тома не стоитъ; прочту на мѣстѣ, —а мнѣніемъ вашимъ интересуюсь».

36. *Оттуда же, 1868 г., 24-го января (XXVII).*

«Романъ Толстого я еще не прочелъ... Вамъ слѣдуетъ написать о немъ подробно и пространно».

37. *Оттуда же, 1868 г., 4-го февраля (XXVIII).*

«Въ «Вѣстникѣ Европы», я вижу, есть ваша статья о «Войнѣ и Мирѣ»; я этотъ романъ, наконецъ, получилъ и теперь дочитываю, и въ слѣдующемъ же письмѣ сообщу вамъ свое мнѣніе о немъ и о вашей статьѣ».

---

17) „Рус. Обзор.“ 1894 г. № 1 и 2.

38. *Оттуда же, 1868 г. 14-го февраля*
ля (XXIX).

... «я прочелъ и романъ Толстого и вашу статью о немъ. Скажу вамъ безъ комплиментовъ, что вы давно ничего умнѣе и дѣльнѣе не писали; вся статья свидѣтельствуесть о вѣрномъ и тонкомъ критическомъ чутьѣ автора, и только въ двухъ-трехъ фразахъ замѣтна неясность и какъ бы спутанность выражений. Самъ романъ возбудилъ во мнѣ весьма живой интересъ: есть цѣлыя десятки страницъ сплошь удивительныхъ, первоклассныхъ, — все бытовое, описательное (охота, катанье ночью и т. д.); но историческая прибавка, отъ которой собственно читатели въ восторгъ, — кукольная комедія и шарлатанство. Какъ Ворошиловъ въ «Дымѣ» бросаетъ пыль въ глаза тѣмъ, что цитируетъ послѣднія слова науки (не зная ни первыхъ, ни вторыхъ, чего, на примѣръ, добросовѣстные иѣмцы и предполагать не могутъ), такъ и Толстой поражаетъ читателя носкомъ сапога Александра, смѣхомъ Сперанскаго, заставляя думать, что онъ *все* объ этомъ знаетъ, коли даже до этихъ мелочей дошелъ, — а онъ и знаетъ только что эти мелочи. Фокусъ и больше ничего, — но публика на него-то и попалась. И па-

счетъ такъ называемой «психологіи» Толстого можно многое сказать: настоящаго развитія нѣтъ ни въ одномъ характерѣ (что, впрочемъ, вы отлично замѣтили), а есть старая замашка передавать колебанія, вибраціи одного и того же чувства, положенія, то, что онъ столь безпощадно вкладываетъ въ уста и въ сознание каждаго изъ своихъ героев: люблю, молъ, я, а въ сущности, ненавижу и т. д. Ужь какъ пріѣлись и надоѣли эти quasi-тонкія рефлексіи и размышленія и наблюденія за собственными чувствами! Другой психологіи Толстой словно не знаетъ, или съ намѣреніемъ ее игнорируетъ. И какъ мучительны эти преднамѣренныя, упорныя повторенія одного и того же штриха—усики на верхней губѣ княжны Болконской и т. д. Со всѣмъ тѣмъ, есть въ этомъ романѣ вещи, которыхъ, кромѣ Толстого, никому въ цѣлой Европѣ не написать, и которыя возбудили во мнѣ ознобъ и жаръ восторга».

39. *Оттуда же, 1868 г., 21-го февраля (XXX).*

Чисто литературные недостатки романа «Между двухъ огней»¹⁸⁾ М. А.

¹⁸⁾ Напечатанъ въ первыхъ книгахъ журнала „Совр. Обзор.“ за 1868 г.

носъ», и онъ восклицаетъ:

«Охъ, эта литература, кото
нетъ литературой! Главное до
Толстого состоитъ именно въ т
его вещи жизнью пахнуть».

40. Я. П. Полонскому, изъ
1868 г. 6-ю марта (125—1

«Въ Рус. Вѣстникѣ» пики
тики Анненкова на «Войну и
иѣту, а есть въ «Вѣстникѣ»
все, что онъ говоритъ тамъ, оч
и дѣльно, хотя иногда запутано
раженіяхъ.—Романъ Толстого—ва
вительная: но самое слабое въ
именно то, чему восторгается
историческая сторона и психологи
рія его—фокусъ, битье тонкими
чами по глазамъ; психологія—и
однообразная возня въ

къ Фонда, слѣдовательно, напечатанное десять лѣтъ тому назадъ, передаетъ тѣ же мысли, что и письмо къ Аяпенкову, напечатанное въ настоящемъ году, только изложеніе въ письмѣ къ Полонскому спокойнѣе, ровнѣе, мягче.

41. А. А. Фету ²⁰⁾, изъ Бадена, 1868 г., 12-го февраля—12-го апрѣля. (174).

«Я только что кончилъ 4-й томъ «Войны и Мира». Есть вещи невыносимыя, и есть вещи удивительныя; и удивительныя эти вещи, которыя въ сущности преобладаютъ, такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда не было написано никѣмъ; да врядъ ли было написано что-нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й томъ слабѣе 2-го и особенно 3-го; 3-й томъ почти весь chef d'oeuvre».

Наконецъ, вотъ послѣдній отзывъ о «Войнѣ и Мирѣ», изъ письма Тургенева къ Анненкову.

42. Изъ Баденъ-Бадена, 1868 г., 13-го апрѣля (XXXIII).

«Доставили мнѣ 4-й томъ Толстого... много тамъ прекраснаго, но и уродства

---

²⁰⁾ „Мои воспоминанія“, ч. 2-я.

не оберешься! Бѣда, коли автодидактъ, да еще во вкусѣ Толстого, возьмется философствовать: непременно осѣдляетъ какую-нибудь палочку, придумаетъ какую-нибудь одну систему, которая, повидимому, все разрѣшаетъ очень просто, какъ, наиримѣръ, историческій фатализмъ, да и пошелъ писать! Тамъ, гдѣ онъ касается земли, онъ, какъ Аятей, снова получаетъ всѣ свои силы: смерть стараго князя, Алпатычъ, бунтъ въ деревнѣ, все это—удивительно. Наташа, однако, выходитъ что-то слабо и сбивается на столь любимый Толстымъ типъ (*excusez du mot*) зас...хъ».

Остановимся еще на трехъ письмахъ Тургенева къ Фету.

43. *Изъ Карлсруэ, 1869 г., 13-го января (190).*

«Только можно читать, что Л. Толстого, когда онъ не философствуетъ,— да Рѣшетникова. Вы читали что-нибудь сего послѣдняго?... Безъ шутокъ, очень замѣчательный талантъ».

44. *Изъ Бадена, 1869 г., 30-го октября (200).*

..... «мысленно рисую васъ то съ ружьемъ въ рукѣ, то просто бесѣдующаго о томъ, что Шекспиръ былъ глупецъ, и что, говоря словами Л. Н. Толстого,

только та дѣятельность приноситъ плоды, которая безсознательна. Какъ это, подумаешь, сѣверные американцы во снѣ, безъ всякаго сознанія, провели желѣзную дорогу отъ Нью-Йорка до С. Франциско? Или это не *плоды*? Но въ сторону фило-софствованія, успѣемъ предаться имъ при свиданіи».

Слѣдующее письмо еще рѣшительнѣе ставитъ вопросъ о принципиальной розни воззрѣній. Приведемъ его почти полностью.

45. *Изъ Баденъ-Бадена, 1869 г., 21-го декабря (208).*

«Изъ вашего послѣдняго письма я, грѣшный человѣкъ, прямо говори, понялъ мало. Чую въ немъ вѣяніе того духа, которымъ наполнена половина «Войны и Мира» Толстого,—и потому уже и не суюсь. На васъ не дѣйствуютъ *жестокія* слова: «Европа, пистолеть, цивилизація»; зато дѣйствуютъ другія: «Русь, гашникъ, ²¹⁾ ерунда»: у всякаго свой вкусъ. Душевно радуюсь преусиѣянію вашего крестьянскаго быта, о которомъ вы повѣствуете, и ни на волосъ не вѣ-

---

²¹⁾ Гашникъ—нитяная тесьма или веревка' продернутая въ верхній край исподняго платья, чтобы удержатъ его на поясѣ. (Объясненіе Фета).

рю ни въ общину, ни въ тотъ *паръ*, который, по-вашему, такъ необходимъ. Знаю только, что всѣ эти хваленныя особенности нашей жизни нисколько не свойственны исключительно намъ, и что все это можно до послѣдней іоты найти въ настоящемъ или прошедшемъ той Европы, отъ которой вы такъ судорожно отпираетесь. Община существуетъ у арабовъ (отчего они и мерли съ голоду, а кабилы, у которыхъ ея нѣтъ, не мерли). *Паръ*, круговая порука—все это было и есть въ Англии, въ Германіи большей частью *было*, потому что отмѣнено. Новаго ничего нѣтъ подъ луною, повѣрьте, даже въ Степановкѣ; даже вашихъ три философскихъ этажа не новы. Предоставьте Толстому открывать, какъ говаривалъ Вас. П. Боткинъ, — Средиземное море. .... Въ половинѣ апрѣля пушусь въ Русь православную. И тогда-то будетъ подъ ладъ соловьиного пѣнія стоять гуль и стонъ спора на берегахъ и въ окрестностяхъ Зуши...» ²³).

---

²³) Характерны сужденія Тургенева объ общинѣ и круговой поруцѣ и въ письмѣ къ Фету же отъ 22-го ноября 1869 г. (207 стр.).—Разсужденія Фета по поводу обонхъ писемъ см. на стр. 209 и 210.

III.

(46 — 57).

Заботливое вниманіе Тургенева къ здоровью Толстого. — Мысли о языкѣ и литературной рѣчи. — Взглядъ на классицизмъ Тургенева и Толстого. — Отзывъ о философіи Толстого, въра въ его художественный талантъ, интересъ къ его личности. — Заботы Тургенева о переводахъ на французскій языкъ сочиненій Толстого: „Казаки“ и „Три смерти“. — Интересъ къ новому произведенію Толстого. — Отзывъ объ „Аннѣ Карениной“. — Сожаленіе о новомъ направленіи дѣятельности Толстого.

Ни принципиальная рознь возрѣній ни личный разрывъ съ Л. Толстымъ не ослабили въ Тургеневѣ сочувственнаго, живого интереса къ глубокой и оригинальной личности Толстого; какъ уже и видѣли мы изъ приведенныхъ выдержекъ и какъ увидимъ далѣе, Тургеневъ въ своей перепискѣ съ чуткимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми, иной разъ и неожиданными, проявленіями дѣятельности Толстого и по поводу ея высказывался и самъ: такъ мы знакомимся съ мнѣніями Тургенева о классицизмѣ, о творествѣ писателя въ образованіи литературной рѣчи и т. д. Наиболѣе цѣнный матеріалъ даетъ переписка Тургенева съ Фетомъ; къ этимъ письмамъ и обратимся.

46. *Изъ Лондона, 1871 г., 2-ю июля*
(235).

«Любезный Ае. Ае.,—ваше письмо опять меня огорчило..... тѣмъ, что вы мнѣ пишете насчетъ здоровья Л. Толстого. Я очень боюсь за него, не даромъ у него два брата умерли чахоткой,—и я очень радъ, что онъ ѣдетъ на кумысь, въ дѣйствительность и пользу котораго я вѣрю. Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротѣвшей литературы, не можетъ и не долженъ такъ же скоро исчезнуть съ лица земли, какъ его предшественники—Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь. И дался же ему вдругъ греческій языкъ!»

Послѣдняя фраза требуетъ поясненій, и лучше всего будетъ привести письмо Л. Толстого къ Фету, написанное въ декабрѣ 1870 г.

„Получилъ ваше письмо уже съ недѣлю, но не отвѣчалъ, потому что съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. .... Невѣроятно и ни на что не похоже. Но я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія. Жду съ нетерпѣнiемъ случая показать кому-нибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на

меня Богъ наслалъ эту дурь. Во-первыхъ, я наслаждаюсь, во-вторыхъ,—убѣдился, что изъ всего истинно-прекраснаго и простаго прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ — и знаютъ, но не понимаютъ; въ-третьихъ,—тому, что я не пишу и писать дребедени многословной никогда не стану. И виновать и ей-Богу никогда не буду. Ради Бога, объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басень Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ. Сколько я теперь ужъ могу судать, Гомеръ только изгаженъ нашими взятыми съ нѣмецкаго образца переводами. Пошлое, по невольное сравненіе: отварная и дистиллированная вода и вода изъ ключа, ломающая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медовопаточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать. Можете торжествовать: безъ знанія греческаго—нѣтъ образованія. Но какое знаніе? Какъ его приобрѣтать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясныя, какъ день, доводы“²³⁾).

²³⁾ Никакихъ доводовъ въ письмѣ не приведено. См. Фетъ „Мои воспоминанія“ ч. 2-ая, стр.

Это увлеченіе классиками было довольно продолжительно: отправившись на кумысь въ Самарскую губ., прямо къ башкирцамъ, Толстой писалъ оттуда Фету 18-го іюля 1871 г.: «читаю и Геродота, который съ подробностью и большою вѣрностью описываетъ тѣхъ самыхъ галакто-фаговъ—скиеонъ, среди которыхъ я живу» (236). Въ своей брошюрѣ г. Берсъ утверждаетъ²⁴⁾, что Л. Толстой изучилъ греческій языкъ въ три мѣсяца и поразилъ своими познаніями покойнаго проф. Леонтьева, который и вѣрить не хотѣлъ такому быстрому усвоенію греческой рѣчи.

225—226. Совершенно противоположна мнѣніе о классицизмѣ высказывалось гр. Л. Толстымъ раньше, до личнаго знакомства его съ греческимъ яз. См., напр., статью его „Воспитаніе и образованіе“ въ т. 4, полн. собр. соч., изд. 7-е, стр. 128—129. Авторъ отказывается признать „таинственное, никѣмъ не объясненное образовательное вліяніе классическаго воспитанія“; онъ категорически заявляетъ, что не можетъ повѣрить тому, „что для развитія чловѣка полезнѣе всего выучить латинскую грамматику, греческіе и латинскіе стихи въ подлинникъ, когда ихъ можно читать въ переводѣ“. Гр. Л. Толстой заканчиваетъ указаніемъ, что желаетъ „разсуждать по простому и здравому смыслу“.

²⁴⁾ Берсъ—„Воспоминанія о графѣ Л. Н. Толстомъ“, стр. 51.

47. Изъ Баденъ-Бадена, 1871 г., 6-ю августа (237).

«Спасибо за сообщенныя извѣстiя Я очень радъ, что Толстому лучше, и что онъ греческiй языкъ такъ одолѣлъ, это дѣлаетъ ему великую честь и приноситъ ему великую пользу. Но зачѣмъ онъ толкуетъ о необходимости создать какой-то особый русскiй языкъ? Создать языкъ!! —создать море. Оно разлилось безбрежными и бездонными волнами; наше писательское дѣло — направить часть этихъ волнъ въ наше русло, на нашу мельницу! И Толстой это умѣетъ. А потому его фраза лишь настолько меня беспокоитъ, насколько она показываетъ, что ему все еще хочется мудрить. Литераторъ отвѣчаетъ только за напечатанное слово: гдѣ и когда я печатно высказался противъ классицизма? Чѣмъ я виноватъ, что разные дурачки прикрываются моимъ именемъ? Я выросъ на классикахъ и жилъ и умру въ ихъ лагерѣ; но я не вѣрю ни въ какую *Alleinseitigkeit* даже классицизма и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленiе въ пользу другого. «Fair play» — говорятъ англичане, — равенство и свобода — говорю я. Классическое, какъ

и реальное образование должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться одинаковыми правами».

Объ интересъ самого Тургенева къ классикамъ свидѣтельствуется слѣдующее мѣсто изъ письма къ Фету ²⁵⁾ (стр. 281):

«Вы напрасно такъ строго отзываетесь о Вергилія. Постройки, характеры и проч., его «Энеиды» не имѣютъ значенія; но въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ эпитетахъ, въ колоритѣ, — онъ не только поэтъ, но смѣлый поваторъ и романтикъ. Напомню вамъ — *per amica silentia lunae* (хоть бы Тютчеву), или *futura jam pallida morte* (о Дидонѣ, когда она съ *кростью* восходитъ на свой костеръ, чтобы покончить съ собою) и т. п. Овидія я читалъ для того, чтобы *etwas latein treiben* съ молодымъ Вярдо. И онъ тоже не такъ плохъ, какъ вы пишете».

Въ слѣдующемъ письмѣ Тургеневъ еще разъ спокойно, но рѣшительно указываетъ на недостатокъ въ творческой манерѣ великаго художника.

48. Изъ Парижа, 1871 г., 24-го ноября (238).

Меня порадовали извѣстія, сообщен-

²⁵⁾ Отъ 13-го сент. 1873 г.

ныя вами о Толстомъ. Я очень радъ, что его здоровье поправилось, и что онъ работаетъ. Чтобы онъ ни дѣлалъ, будетъ хорошо, если онъ самъ не исковеркаетъ дѣла рукъ своихъ. Философія, которую онъ ненавидитъ, оригинальнымъ образомъ отомстила ему: она его самого заразила, и нашъ врагъ резонерства сталъ резонерствовать напропалую! Авось это все съ него теперь соскочило, и остался только чистый и могучій художникъ!»

49. *Изъ Парижа, 1872 г., 11-го декабря, (258).*

«Выписалъ я «Азбуку» Л. Толстого; но, за исключеніемъ прекраснаго разказа «Кавказскій пльнникъ», — не нашелъ въ ней ничего интереснаго. А цѣна безумно высокая для подобнаго рода сочиненія».

50. *Изъ Буживаля, 1873 г., 21-го августа (279).*

Долго не имѣя извѣстій о Л. Толстомъ, Тургеневъ съ этими словами обращается къ Фету:

«Что вы мнѣ ничего не говорите о Львѣ Толстомъ? Онъ меня «ненавидитъ и презираетъ», а я продолжаю имъ силь-

но интересоваться, какъ самымъ крупнымъ современнымъ талантомъ».

51. Изъ *Chateau de Nohant* ²⁶⁾, 1873 г.
13-ю сентября (281).

«Радуюсь, что Левъ Толстой меня не пеневидить, и еще болѣе радуюсь слухамъ о томъ, что онъ оканчиваетъ большой романъ. Дай только Богъ, чтобы тамъ философіи не было».

Искренняя, неизмѣнная заботливость о литературной славѣ русскаго «самаго крупнаго современнаго таланта» побуждаетъ Тургенева прибѣгнуть къ посредничеству Фета для полученія разрѣшенія Л. Толстого напечатать нѣкоторыя его произведенія во французскомъ переводѣ. Вотъ письмо Тургенева къ Фету.

52. Изъ *Парижа*, 1874 г. 4-ю марта (288).

«Любезнѣйшій Аван. Аван., какимъ-то чудомъ (французская почта чрезвычайно исправна) ваше письмо съ уполномоченіемъ Толстого прибыло въ rue de Douai только вчера, т. е., черезъ съ небольшимъ три недѣли! Мнѣ этотъ

---

²⁶⁾ Тургеневъ гостилъ у Жоржъ-Зандъ, въ ея замкѣ.

фактъ въ сущности только потому неприятенъ, что онъ могъ внушить вамъ мысль, что я не умѣлъ оцѣнить готовность, съ которою вы исполнили мою просьбу. А я вамъ и Л. Н. Толстому очень благодаренъ. Теперь уже сезонъ на исходѣ, но я все-таки постараюсь помѣстить въ *Revue des deux mondes* или въ «*Temps*» его «Три смерти», а къ ссени непременно напечатаю «Казакъ». Чѣмъ чаще перечитываю я эту повѣсть, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это chef d'oeuvre Толстого и всей русской повѣствовательной литературы. Надѣюсь, что онъ совѣтъ поправился въ своемъ здоровьи».

53. 1874 г. 24-го апр. (290) 27).

«Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстiя; особенно порадовалъ меня фактъ окончанiя Толстымъ своего романа: жду отъ него богатыхъ и великихъ милостей».

Рѣчь идетъ объ «Аннѣ Карениной».

Разногласiе въ литературныхъ вопросахъ и накопившiяся житейскiя не-

---

27) Тургеневъ пишетъ „изъ домика на хрустальномъ заводѣ“, занимаемаго дочерью, съ которою онъ прiѣхалъ проститься передъ своимъ отъѣздомъ въ Россiю.

доразумѣнія ²⁸⁾ вызвали охлажденіе въ отношеніяхъ Тургенева съ Фетомъ; на упрекъ въ разрывъ съ Л. Толстымъ, на укоръ, что онъ готовъ «швырять оскорбленія въ лицо даже такимъ безупречнымъ личностямъ, какъ Л. Т.», Тургеневъ, разумѣя подъ Л. Т.—графа Л. Толстого, горячо протестуетъ.

54. Изъ Парижа, 1874 г. 12-го декабря (304).

...«Я никогда и ни передъ кѣмъ не отзывался о Львѣ Толстомъ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ къ его таланту и характеру, и это уваженіе будетъ мною въ скоромъ времени высказано передъ французскою публикой въ предисловіи къ изданію переводовъ съ его произведеній»...

Мы приведемъ ниже еще одинъ отзывъ Тургенева изъ переписки его съ Фетомъ, а теперь обратимся къ сборнику литературнаго фонда. Вотъ два отзыва объ «Аннѣ Карепиной», послѣднимъ крупномъ произведеніи гр. Л. Толстого.

55. А. С. Суворину, изъ Парижа, 1875 г. 14-го марта (257).

«Съ нетерпѣніемъ жду перваго вы у-

²⁸⁾ Фетъ „Мои воспоминанія“, ч. 2-ая, стр. 290, 300, 302, 305—306.

ска вашихъ очерковъ. Портретъ Л. Н. Толстого выйдетъ у васъ навѣрно хорошо. Талантъ изъ ряду вонъ, но въ «Аннѣ Карениной» онъ, какъ говорятъ здѣсь, а fait fausse route: вліяніе Москвы, славянофильскаго дворянства, старыхъ православныхъ дѣвъ, собственнаго уединенія и отсутствіе настоящей, художнической свободы. Вторая часть просто скучна и мелка, вотъ что горе!»

56. Я. П. Полонскому, изъ Парижа, 1875 г. 13-го мая (260).

«Анна Каренина» мнѣ не нравится, хотя попадаются истинно-великолѣпныя страницы.—(Скачка, косьба, охота). Но все это кисло, пахнетъ Москвой, ладаномъ, старой дѣвой, славянщиной, дворянщиной и т. д.»

57. Я. П. Полонскому, изъ Парижа, 1876 г. 30-го декабря (310).

«Полагаю, что Чайковскій преувеличиваетъ насчетъ Л. Толстого;—но какъ не пожалѣть о томъ, что этотъ человекъ, столь необычайно одаренный, словно вслѣдствіе пари, дѣлаетъ именно то, что ему не слѣдуетъ дѣлать?!»

Должно-быть, Тургеневъ разумѣлъ тотъ душевный переломъ въ художникѣ, ту внутреннюю работу, которая па-

чалась религиознымъ самоуглубленіемъ и въ послѣдствіи дала русскому обществу Толстого—убѣжденнаго моралиста и Толстого—рѣшительнаго и умѣлаго борца съ общественнымъ бѣдствіемъ. Тургенева огорчало, конечно, то, что въ начавшейся тяжелой внутренней работѣ художникъ оказывался на второмъ планѣ. Въ отношеніяхъ къ Тургеневу это новое настроеніе Толстого сказалось желаніемъ братскаго примиренія; это естественное проявленіе того религиознаго, истинно христіанскаго образа мыслей, къ которому обратился Толстой, и какимъ оцѣ, по цѣлности своей натуры, глубоко проникся ²⁹⁾.

---

²⁹⁾ Любопытны письма Толстого къ Фету, относящіяся къ этому періоду (1876—1877 гг.), напечатанныя на стр. 314, 327, ч. 2-ая („Мои воспоминанія“).

IV.

(58—75).

Примиреніе. - Дружеская переписка Тургенева съ Толстымъ.— Посредничество Тургенева въ литературныхъ дѣлахъ: привлеченіе Л. Толстого въ число участниковъ изданія „Русская Библиотека“, рекомендація ему англійскаго литератора Рольстона, посредничество для отъѣзда изд. „Казаковъ“ въ Парижъ.— Общій отзывъ Тургенева о своемъ отношеніи къ литературной дѣятельности Толстого.— Мысли о характерѣ литературнаго творчества.— Заботы объ успѣхѣ въ Парижѣ перевода „Войны и Мира“.— Отзывъ Флобера.— Сочувствіе Толстого Тургеневу.— Заявленія возмимаго расположенія.— Указаніе на оригинальность личности Толстого и гениальность его таланта.— Отзывъ объ „Исповѣди“.— Предсмертный завѣтъ Тургенева Толстому.

О примиреніи Толстого съ Тургеневымъ Фетъ разсказываетъ такъ: «Въ іюнь (1878 г), къ величайшей моей радости, къ намъ пріѣхалъ погостить Н. Н. Страховъ, захватившій Толстыхъ еще до отъѣзда ихъ въ Самару. Конечно, съ нашей стороны поднялись разспросы о дорогомъ для насъ семействѣ, и я, къ немалому изумленію, услышалъ, что Толстой помирился съ Тургеневымъ.—Какъ? по какому поводу? спросилъ я.—Просто по своему теперешнему религіозному настроенію онъ

признаетъ, что смиряющійся человекъ не долженъ имѣть враговъ, и въ этомъ смыслѣ написалъ Тургеневу. Событіе это не только изумило меня, но и заставило сбернуться на самого себя... Фетъ тоже написалъ Тургеневу и возобновилъ съ нимъ дружескія отношенія. На письмо Толстого Тургеневъ отвѣчалъ этими сердечными строками.

58. *Гр. Л. Толстому, изъ Парижа 1878 г., 8-го мая (331) 30).*

«Любезный Левъ Николаевичъ, я только сегодня получилъ ваше письмо, которое вы отправили *poste restante*. Оно меня очень обрадовало и тронуло. Съ величайшей охотой готовъ возобновить нашу прежнюю дружбу и крѣпко жму протянутую мнѣ вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мнѣ враждебныхъ чувствъ къ вамъ; если они и были, то давнымъ-давно исчезли—и осталось одно воспоминаніе о васъ, какъ о человекѣ, къ которому я былъ искренно привязанъ, и о писателѣ, первые шаги котораго мнѣ удалось привѣтствовать раньше другихъ, каждое новое произведеніе котораго всегда возбуждало во мнѣ живѣйшій интересъ. Душевно

---

³⁰⁾ „Сборникъ Лит. Фонда“.

радуюсь прекращенію возникшихъ между нами недоразумѣній. Я надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ поцасть въ Орловскую губернію и тогда мы, конечно, увидимся»...

59. *Л. Толстому, изъ Спасскаго, 1878 г., 14-го августа (333).*

Послѣ посѣщенія Ясной Поляны Тургеневъ писалъ Л. Толстому.

«Не могу не повторить вамъ еще разъ, какое пріятное и хорошее впечатлѣніе оставило во мнѣ мое посѣщеніе Ясной Поляны, и какъ я радъ тому, что возникшія между нами недоразумѣнія исчезли такъ безслѣдно, какъ будто ихъ никогда и не было. Я почувствовалъ очень ясно, что жизнь, состарившая насъ, прошла для насъ не даромъ,—и что и вы и я—мы оба стали лучше, чѣмъ были 16 лѣтъ тому назадъ; и мнѣ было пріятно это почувствовать.—Я написалъ А. Н. Пыпину о вашемъ согласіи поступить въ число писателей «Русской Библіотеки». Онъ вступить съ вами въ корреспонденцію по этому поводу, и, конечно, все устроится очень скоро и просто».

60. *Л. Толстому, изъ Спасскаго, 1878 г., 25-го авг. (334).*

...«Мнѣ очень пріятно узнать, что

всѣ въ Ясной Полянѣ взглянули на меня дружелюбнымъ окомъ. А что между нами существуетъ та связь, о которой вы говорите,—это несомнѣнно,—и я очень этому радуюсь—хотя и не берусь разобрать всѣ нити, изъ которыхъ она составлена... Одной художественной—мало. Главное то, что она есть».

Тургеневъ всегда съ живымъ интересомъ относился къ литературной извѣстности Л. Толстаго за границей и готовъ былъ всячески ей содѣйствовать,—находя издателей, просматривая переводы, сообщая біографическія свѣдѣнія о Толстомъ. Это мы видѣли и раньше, эти же заботы составляютъ содержание и приводимыхъ ниже отрывковъ, но теперь Тургеневъ дѣйствуетъ свободнѣй и рѣшительнѣй.

61. *Л. Толстому, изъ Буживалля, 1878 г., 1-ю окт. (335—336).*

...«Вы, вѣроятно, уже получили отъ моего пріятели В. Рольстона, англійскаго литератора и любителя нашей словесности,—письмо, въ которомъ онъ проситъ васъ дать о себѣ нѣсколько біографическихкихъ замѣтокъ. Надѣюсь, что вы ему не отказали, такъ какъ онъ человекъ очень хорошій и серіозный,—не какой-нибудь корреспондентъ или фелье-

тонистъ. Вамъ уже, вѣроятно, извѣстно, что ваши «Казакѣ» вышли въ англійскомъ переводѣ—(въ Лондонѣ и въ Америкѣ) и, по дошедшимъ до меня слухамъ, пользуются большимъ успѣхомъ; а Рольстонъ взялся написать большую статью о «Войнѣ и Мирѣ».—Съ своей стороны, я ему послалъ небольшой перечень извѣстныхъ мнѣ фактовъ изъ вашей литературной и общественной жизни—и полагаю, что вы на меня за это сѣтовать не будете.—«Казакѣ» печатаются также во французскомъ переводѣ въ «Journal de S.-Petersbourg».—Мнѣ это немного досадно—потому, что я намѣревался вмѣстѣ съ г-жею Виардо перевести ихъ въ теченіе нынѣшней осени; впрочемъ, если переводъ хорошъ—то досадовать нечего.—Не знаю, приняли ли вы какія-либо мѣры для отдѣльнаго изданія здѣсь въ Парижѣ (не знаю даже, съ вашего ли согласія сдѣланъ этотъ переводъ),—но, во всякомъ случаѣ, предлагаю свое посредничество... Мнѣ будетъ очень пріятно содѣйствовать ознакомленію французской пубрики съ лучшей повѣстью, написанной на нашемъ языкѣ».

62. *Л. Толстому, изъ Парижа 1878 г., 15-го ноября (338—339).*

...«Радуюсь тому, что вы всё физиче-

ски здоровы, и надѣюсь, что и «умственная» ваша хворь, о которой вы пишете, прошла. Мнѣ и она была знакома: иногда она являлась въ видѣ внутренняго броженія передъ началомъ дѣла; полагаю, что такого рода броженіе совершилось и въ васъ. Хоть вы и просите не говорить о вашихъ писаніяхъ—однако, не могу не замѣтить, что мнѣ никогда не приходилось «даже немножко» смѣяться надъ вами; инья ваши вещи мнѣ нравились очень, другія очень не нравились; инья, какъ напр. «Казакъ», доставили мнѣ большое удовольствіе и возбуждали во мнѣ удивленіе. Но съ какой стати смѣхъ? Я полагалъ, что вы отъ подобныхъ «возвратныхъ» ощущеній давно отдѣлались. Отчего они знакомы только литераторамъ, а не живописцамъ, музыкантамъ и прочимъ художникамъ? Вѣроятно, отъ того, что въ литературное произведеніе все-таки входитъ больше той части души, которую не совѣтъ удобно показывать. Да; но въ наши уже молодые сочинительскіе годы пора къ этому привыкнуть...

Англійскій переводъ «Казакъ» вѣренъ, но сухъ и matter of fact, какъ и самъ г. Скайлеръ... Я не видѣлъ французскаго перевода; боюсь, что онъ, дѣй-

ствительно, вышелъ неудачнымъ — ибо знаю пошибъ нашихъ переводящихъ русскихъ дамъ. Съ одной стороны, я боюсь, а съ другой — чуть не радуюсь: стало быть, можно будетъ все-таки перевести вашу повѣсть и издать ее здѣсь...» ³¹⁾.

63. Л. Толстому, изъ Парижа, 1878 г.,
28-го декабря (340).

«Любезнѣйшій Л. Н., пишу вамъ по поводу «Казаконъ». Здѣсь нашелся издатель, который желалъ-бы напечатать отдѣльной книгой переводъ, появившійся въ «Journal de S.-Petersbourg». Но такъ какъ ему извѣстно, что переводъ слабъ, то ему хотѣлось-бы, чтобы французскій литераторъ Дюранъ (извѣстный своимъ знаніемъ русскаго языка) и я — мы просмотрѣли бы тщательно этотъ переводъ, на что мы, конечно, охотно согласились (я также напишу небольшое предисловіе). Издатель этотъ проситъ также вашего уполномочія, которое состояло бы въ слѣдующемъ заявленіи (приблизитель-

---

³¹⁾ Мы недоумѣваемъ, неужели это письмо Тургенева могло побудить Л. Толстого написать Фету 22-го ноября такія строки: „Вчера получилъ отъ Тургенева письмо; и знаете, рѣшилъ лучше подальше отъ него и отъ грѣха. Какой-то задира неприятный“ (Фетъ „Мои воспоминанія“, ч. 2-я, 358 стр.).

но)... Надѣюсь, что вы не найдете въ этомъ ничего предосудительнаго—и могу увѣрить васъ, что мы оба постараемся не ударить въ грязь лицомъ и представимъ французской публикѣ «Кзаковъ» въ томъ видѣ, который они заслуживаютъ—и лучше, чѣмъ это сдѣлалъ американскій переводчикъ.—Дайте кстати вѣсточку о себѣ и о всемъ вашемъ семействѣ. Принялись ли вы за работу въ той уединенной избушкѣ, которую вы мнѣ показывали?...

Возобновленіе личныхъ отношеній съ Тургеневымъ вызвало слѣдующій сдержанный отзывъ гр. Л. Толстого въ письмѣ къ Фету ³²⁾ отъ 5-го сентября 1878 г.

«Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ и радовался полученію отъ васъ письма. Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенія, которая между нами возможна».

Тургеневъ же объ этомъ пишетъ Фету, въ горячихъ, радостныхъ выраженіяхъ.

64. *Изъ Буживаля, 1878 г., 30-го декабря (355).*

«Мнѣ было очень весело снова сойтись

³²⁾ „Мои воспоминанія“, ч. 2-я, 354 стр.

съ Толстымъ, и я у него провелъ три пріятныхъ дня; все семейство его очень симпатично; а жена его прелесть. Онъ самъ очень утихъ и выросъ. Его имя начинаетъ приобрѣтать европейскую извѣстность;—намъ, русскимъ, давно извѣстно, что у него соперника нѣтъ».

65. *Л. Толстому, изъ Москвы, 1879 г., 1-го марта (342) ³³*.

Приѣхавъ въ Москву по дѣламъ о наслѣдствѣ послѣ покойнаго брата, Тургеневъ спрашиваетъ:

«Думаете ли вы прибыть въ Москву или остаетесь въ Ясной Полянѣ?» и прибавляетъ: «очень было бы пріятно по-видаться».

66. *Я. П. Полонскому, изъ Буживаля, 1879 г., 16-го сентября (347)*.

Письмо имѣетъ литературный интересъ; написано оно по пунктамъ,— приведемъ изъ нихъ два.

«3) Хотя Паскевичи тебѣ и писали, что переводъ романа Толстого находится въ Парижѣ, но могу тебя увѣрить, что ни у одного книгопродавца его нѣтъ, и никто о немъ *ничего* не знаетъ.— Пусть они распорядятся и велятъ мнѣ

---

³³) „Сборникъ Лит. Фонда“.

выслать 6 экземпляровъ,—я ихъ раздамъ по принадлежности и сдѣлаю рекламу въ журналахъ, безъ чего ни одна книга (особенно иностранная) здѣсь расхотиться не можетъ. Боюсь я очень перевода, сдѣланнаго русской дамой: здѣшніе издатели чуть не кусаются, когда имъ преподносятъ эту смѣсь французскаго съ (великосвѣтскимъ) нижегородскимъ.—Но ты не забудь передать мое предложеніе Паскевичамъ,—а мы постараемся всячески.

5) Л. Толстой, какъ большой и живой талантъ, выскочить изъ болота, куда онъ залѣзъ—и съ пользой для литературы»...

Тургеневъ съ нетерпѣніемъ ждетъ присылки перевода, не забываетъ напомнить объ этомъ почти въ каждомъ письмѣ къ Полонскому (отъ 3-го окт., 5 ноября, 6 дек.), ³⁴⁾ лично тревожится промедленіемъ: «Скажи княгинѣ П. (съ которой мнѣ очень пріятно будетъ познакомиться), что времени теперь нельзя терять ни минуты.—Увѣрена ли она, что книги посланы?» (350). Наконецъ, въ письмѣ отъ 23 дек., ³⁵⁾

---

³⁴⁾ №№ 283, 285, 286 „Сб. Лит. Ф“.

³⁵⁾ № 288.

онъ извѣщаетъ Полонскаго, что первые экземпляры перевода «Войны и Мира» получены.

67. Л. Толстому, изъ Парижа, 1879 г.,
28 10 дек. (352).

...«Черезъ недѣлю съ небольшимъ я выѣзжаю отсюда—и навѣрное знаю, что мы скоро увидимся, хотя еще не знаю, гдѣ именно.—Меня очень тронуло сочувствіе, выраженное вами по поводу статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и я, съ своей стороны, почти готовъ радоваться ея появленію, такъ какъ оно побудило васъ сказать мнѣ такія хорошія, дружественныя слова....

— Княгиня П., переведшая вашу «Войну и Миръ», доставила, наконецъ, сюда 500 экземпляровъ, изъ которыхъ я получилъ 10. Я роздалъ ихъ здѣшнимъ вліятельнымъ критикамъ (между прочимъ, Тэну, Абу и др.). Должно надѣяться, что они поймутъ всю силу и красоту вашей эпопеи. Переводъ нѣсколько слабоватъ,—но сдѣланъ съ усердіемъ и любовью.—Я на-дняхъ въ 5 и 6 разъ съ новымъ наслажденіемъ перечелъ это ваше, поистинѣ, великое произведеніе. Весь его складъ далекъ отъ того, что французы любятъ, и чего они

ищутъ въ книгахъ; но правда въ концѣ концовъ беретъ свое. Я надѣюсь, если не на блестящую побѣду, то на прочное, хотя медленное завоеваніе.

Вы ничего мнѣ не говорите о новой вашей работѣ; а между тѣмъ ходятъ слухи, что вы прилежно трудитесь. Воображаю васъ за письменнымъ столомъ въ той уединенной избѣ, которую вы мнѣ показывали. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я скоро буду имѣть извѣстіе—изъ первыхъ рукъ.

Радуюсь вашему домашнему благополучію и прошу передать всѣмъ вашимъ мой усердный привѣтъ и поклонъ»...

Остановимся еще на сердечныхъ строкахъ, заканчивающихъ письмо.

«Крѣпко жму вашу руку, благодарю васъ за то, что вы приблизились ко мнѣ, и знаю, что я плачу вамъ тѣмъ же. Будьте здоровы—и до свиданія».

68. Л. Толстому, изъ Парижа 1880 года, 12-го января (354).

«Любезнѣйшій Л. Н., переписываю для васъ съ дипломатической точностью отрывокъ изъ письма г. Флобера ко мнѣ, —я ему послалъ переводъ «Войны и Мира» (къ сожалѣнію, довольно блѣдоватый):

«Merci de m'avoir fait lire le roman de Tolstoi. C'est de premier ordre! Quel peintre et quel psychologue! Les deux premiers volumes sont sublimes; mais le troisième dégingole affreusement. Il se répète! et il philosophe! Enfin on voit le monsieur, l'auteur, et le Russe—tandis que jusque là on n'avait vu que la Nature et l'Humanité. Il me semble qu'il y a parfois des choses à la Shakespeare! Je poussais des cris d'admiration pendant cette lecture ... et elle est longue!

Oui, c'est fort! bien fort!» ³⁶⁾.

Полагаю, что—en somme—вы будете довольны. «Война и Миръ» роздана мною здѣсь всѣмъ главнымъ критикамъ. Отдѣльной статьи еще не появлялось,

---

³⁶⁾ Спасибо, что дали возможность прочесть романъ Толстого. Это первостепенное произведение. Какой это живописецъ и какой психологъ! Два первыхъ тома безподобны, но въ третьемъ ужасный скачекъ внизъ. Въ немъ авторъ повторяется! и онъ философствуетъ! Наконецъ, видишь барина, автора, русскаго,—между тѣмъ какъ раньше были видны только Природа и Человѣчность. Мнѣ кажется, что мѣстами попадаются вещи шекспировскія. Я издавалъ восклицанія восторга во время этого чтенія,—а оно, вѣдь, продолжительно. Да, это сильно! Очень сильно!

но уже 300 экз. продано. (Всѣхъ при-
слано 500)...

P. S. Прилагаю вырѣзку изъ газеты:
«XIX Siècle».

Мы уже близки къ концу нашей ра-
боты и тѣмъ съ большимъ удоволь-
ствиемъ, прямо скажемъ—съ чувствомъ
нравственнаго удовлетворенія приво-
димъ 4 выдержки изъ писемъ Тургене-
ва къ гр. Л. Толстому и гр. С. А.
Толстой: они свидѣтельствуютъ о не-
сомнѣнномъ взаимномъ расположеніи.

69. Л. Толстому изъ Москвы, 1880
года, 19-го апрѣля (356).

Собираясь къ себѣ въ деревню, Тур-
геньевъ освѣдомляется, будетъ ли Тол-
стой у себя—въ Ясной Полянѣ—въ
Омино воскресенье;

«Я бы въ этотъ день завернулъ къ
вамъ изъ Тулы. Мнѣ очень хотѣлось
бы свидѣться и потолковать съ вами».

70. Л. Толстому, изъ Спасскаго,
1881 г., 21-го іюня (380).

«Любезнѣйшій Л. Н., надѣюсь, что
вы благополучно совершили ваше палом-
ничество, и рассчитываю на исполненіе
вашего обѣщанія навѣстить меня. Я не-
дѣлю тому назадъ вернулся изъ Москвы,

домъ приведенъ въ порядокъ,—и я теперь никуда съ мѣста не тронусь. Не забудьте привезти ваши сочиненія. Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вашу руку».

71. Л. Толстому, изъ Спасскаго, 1881 г., 4-го іюля (381).

«Любезнѣйшій Л. Н., вчера получилъ ваше письмо и очень порадовался вашему близкому посѣщенію, а также и тому, что вы говорите о вашемъ чувствѣ ко мнѣ. Оно потому и хорошо, что общее, т. е., одинаковое и въ васъ и во мнѣ»...

72. Гр. С. А. Толстой, изъ Спасскаго, 1881 г., 26-го іюля (381).

«Любезнѣйшая графиня! Я получилъ сочиненія Льва Николаевича, которыя онъ мнѣ прислалъ, и теперь съ особеннымъ вниманіемъ перечитываю «Анну Каренину». Я выѣзжаю отсюда 15-го августа и очень желалъ бы знать, вернется ли къ тому времени Л. Н. изъ Самары. Я бы тогда непременно заѣхалъ въ Ясную Поляну. Надѣюсь, что вы всѣ живы и здоровы и дружески жму вамъ руку».

Эти письма написаны были Турге-

невимъ въ послѣднее его пребываніе на родинѣ ³⁷⁾, за два года до смерти. Къ 1882 г. относятся два письма къ Григоровичу; они еще разъ свидѣтельствуютъ о томъ, что Тургеневъ преклонялся предъ величіемъ таланта и оригинальностью личности Толстого, нововсе не былъ имъ ослѣпленъ: Тургеневъ свободно и рѣшительно указываетъ и на недостатки его.

73. *Д. В. Григоровичу, изъ Парижа, 1882 г., 29-го марта (414).*

«Надѣюсь, что вы опять сошлись съ Л. Толстымъ. Это—чудакище, но, несомнѣнно, гениальный человекъ и добрейшій».

74. *Д. В. Григоровичу, изъ Буживалля, 1882 г., 31-го октября (510).*

«Я получилъ на-дняхъ черезъ одну очень милую даму ту исповѣдь Л. Толстого, которую цензура запретила. Прочелъ ее съ великимъ интересомъ; вещь замѣчательная по искренности, правди-

---

³⁷⁾ Это пребываніе чрезвычайно живо описано другомъ Тургенева, мастытымъ поэтомъ нашимъ, Я. П. Полонскимъ въ статьѣ: „И. С. Тургеневъ у себя“. По интересующему насъ вопросу объ отношеніяхъ Тургенева къ Толстому важны главы 21, 22, 29, 30.

восте и силѣ убѣжденія. Но построена она вся на невѣрныхъ послылкахъ,—и въ концѣ концовъ приводитъ къ самому мрачному отрицанію всякой живой, человѣческой жизни... Это тоже своего рода нигилизмъ. Удивляюсь я, по какому поводу Толстой, отрицающій между прочимъ и художество, окружаетъ себя художниками,—и что могутъ они вынести изъ его разговоровъ?—И все-таки Толстой едва ли не самый замѣчательный человѣкъ современной Россіи».

Предъ нами послѣднее письмо Тургенева: оно безъ подписи, писано карандашемъ, почтовый штемпель въ Туль—3-го іюля 1883 г.—На смертномъ одрѣ, въ умирающемъ живетъ еще убѣжденный художникъ, и ищетъ онъ могучаго соратника, чтобы сказать ему послѣднее прости, чтобы высказать свою послѣднюю волю...

Вотъ это письмо.

75. Л. Толстому, изъ Буживаля, 1883 г., 27-го или 28-го іюня (550).

«Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно,

